

Проявления латгальского самосознания в эмиграции в странах Запада после Второй мировой войны

Vladislavs MALANOVSKIS
Rezekne Academy of Technologies

Ключевые слова: эмиграция, латгальцы, идентичность, издательство Владислава Лоциса, Исследовательский институт Латгалии.

Введение

В конце Второй мировой войны около 120 000–140 000 жителей Латвии нашли убежище в Западных странах (F e l d m a n i s 2008, 471). Изначально число беженцев было больше (до 200 000), но часть беженцев погибла в результате военных действий, часть попала на территорию, находящуюся под контролем СССР, и была депортирована назад. Особенно большой утратой для Латвии была интеллигенция.

Также несколько тысяч жителей восточной части Латвии – Латгалии (латгальцев) – оставили родину. По данным *Latvju enciklopēdija* («Латышская энциклопедия»), изданной в эмиграции, около 10 000 латышских беженцев были католиками (Š v ā b e 1952–1953, 1003). Можно предположить, что большинство католиков были латгальцы. По свидетельствам латгальского общественного деятеля Бонифация Бришки (*Bonifācijs Briška*), в эмиграции было около 7000 латгальцев (B r i š k a 1957, 139).

Различные аспекты жизни латышей в эмиграции еще сравнительно мало исследованы. Существует несколько исследований о Балтийском вопросе и его месте в политике отдельных государств после Второй мировой войны¹; исследование вопросов сохранения латышского самосознания в Швеции².

Самосознание или идентичность (лат. *identitas (identitatis)* – тождество) – одно из понятий, которое очень сложно объяснить. Исследователь национальных процессов Язеп Бролиш (*Jāzeps Brolišs*) подчеркивает, что в мире нет индивидуумов, идентичных друг другу, не говоря уже об этнографических группах, этносах и нациях. Если носитель определенного самосозна-

¹ См. Antonijs Zunda, *Baltijas jautājums 1940–1991*, Rīga: Zvaigzne ABC (Z u n d a 2012).

² См. Baiba Bela (zin. red.), *Mēs nebraucām uz Zviedriju, lai kļūtu par zviedriem*, Rīga: Zinātne (B e l a 2010).

ния – единственный оригинал, то с кем же его сравнивать (B r o l i š s 1999, 33)? К тому же любой носитель самосознания находится в процессе развития и изменений. Говорить об отдельном латгальском самосознании не только сложно, но, исходя из осознания и понимания латышского национального самосознания, ещё и неоднозначно. Это потому, что латышская интеллигенция в эмиграции не была единой. Она состояла в различных общественных и научных организациях. Например, латгальские авторы в основном публиковались в мюнхенском издательстве в Германии, которым руководил Владислав Лоцис (*Vladislavs Lōcis*), латышские авторы в Швеции – в издательстве «Даугава» и пр.

Исследователь современных общин Мануэль Кастельс (*Manuel Castells*) отмечает, что все самосознания конструированы, «вопрос лишь в том, как, из чего и для чего» (B e l a 2010, 19). Более радикально настроенные латгальцы, осознавая свое ограниченное место в широком мире эмиграции, старались преувеличить свое самосознание, нередко «стремясь абсолютно искусственно возвыситься над своим самым близким, на самом деле – своим настоящим латышским этносом» (Z e i l e 2006, 604). Например, они утверждали, что латгальцы являются самостоятельным народом (B r i š k a 1957, 148, 149), и т. д.

Цель статьи – выяснить, что предпринимали латгальские эмигранты в попытках установить и сохранить латгальское самосознание. Методы исследования включают в себя анализ исторических источников и литературы, а также метод сравнительного анализа.

1. Историческое наследие

Чтобы лучше понять, что предпринимали латгальцы в эмиграции в попытках сохранения латгальского самосознания, необходим ретроспективный взгляд в вопросе 1) об этнонимах «латгалы» (на латыш. *latgaļi (latgali)*) и «латгальцы» (на латыш. *latgalieši*), 2) об исторических факторах, которые определили происхождение особенностей Латгалии (латгальцев), 3) об особенностях национального самосознания латгальцев.

1. Латгалы были одним из балтийских племен, населявших территорию современной Латгалии, наибольшую часть Видземе, а также отдельные округа на территории современной России и Беларуси. Со времен Ливонии этноним «латыш» (латыш. *latvis*) начали наследовать и другие балтийские племена, населявшие территорию Латвии (курши, земгалы, селы). В 19-ом веке слово *latvis* трансформировалось в *latvietis (латыши)* (B r o l i š s 1999, 20).
2. Латгальцы – это латыши Латгалии, часть латышского народа (этнографическая группа), сохранившая определенные различия (Ibid., 12). Обозначение *латгальцы* в более широкий оборот (как своеобразное обозначение идентичности в противоположность жителям Курземе, Земгале и

Видземе) вошло в начале 20-го века. В эмиграции в Западных странах представители латгальской интеллигенции снова начали называть латгальцев латгалами, тем самым демонстрируя обособленность от латышей и акцентируя, что латгалы – часть жителей Латвии, говорящая на латгальском языке и являющаяся настоящими потомками древних племен латгалов. Здесь, однако, следует заметить, что латыши Видземе также являются потомками древних латгалов.

3. Существует ряд исторически сформировавшихся факторов, определивших происхождение особенностей Латгалии:
 - административно-территориальные – неполных три столетия оторванности от остальной территории Латвии. Административно Латгалия была отделена в результате Польско-шведской войны (1600–1629), когда после заключения Альтмаркского перемирия она осталась под властью Речи Посполиты. В 1772 году территория Латгалии была присоединена к Российской империи и вошла в состав Псковской, а позднее – с 1802 года – Витебской губернии. Только весной 1917 года в г. Резекне на Конгрессе представителей Латгалии большинством латгальцев было высказано желание объединиться со своими братьями латышами в Видземе, Курземе и Земгале. Это произошло после создания Латвийской Республики в 1918 году;
 - религиозные – в Латгалии глубоко укоренилась католическая вера в противоположность лютеранству в остальной Латвии. В 18-ом веке, в большой степени в результате деятельности иезуитских и доминиканских монахов, в Латгалии укрепился католицизм. Так как во второй половине 19-го века началась общая политика руссификации, Латгалию активно заселяли русскими крестьянами, в результате чего увеличилось влияние православия;
 - лингвистические – латгальский язык, который, даже несмотря на «запрет печати» (1865–1904), а также на ограничения во время режима Карлиса Улманиса (*Kārlis Ulmanis*; 1934–1940), смог сохранить свою витальность.
4. Вплоть до 20-х и 30-х годов XX века у большей части латгальцев (в основном в слоях крестьянства) сохранилось католическое самосознание. Тому способствовало присутствие в Латгалии других народов. Экономическая и административная зависимость от польских помещиков и затем от русских чиновников являлась главным препятствием повышению латгальского самосознания, так как эти народы (русские, поляки, евреи) в Латгалии имели более высокий статус по сравнению с местным крестьянином-латгальцем. Гордиться латгальским происхождением было сложно. Возможно, католическая вера (принадлежность к католической церкви) стало главным параметром, который мог хотя бы иллюзорно компенсировать низкий статус в социальной иерархии того времени. После образования независимого государства Латвии сильное конфессиональное

сознание у латгальцев сохранилось. Так это характеризует представитель социал-демократов Маргерс Скуениекс (*Margers Skujenieks*) в мае 1920 года в латвийском парламенте: «У нас большие территории, где жители не осознают свою национальность и на вопрос к какой национальности они принадлежат – говорят, что они католики. Если им объясняют, что «католик» это не национальность, а вероисповедание, тогда говорят, что они поляки» (*LRSSS* 5, 2848, 2849).

В результате указанных факторов в Латгалии сложились разные социально-экономические обстоятельства, по-разному развивались общественно-политические события и национальное самосознание.

Особенности Латгалии, безусловно, способствовали формированию стереотипов. В 20-ых и 30-ых годах 20-го века латыши нередко делили себя на *настоящих* и *ненастоящих*, *чангалов*³ и *чулей*⁴ (*B r o l i š s* 2000, 39). После Второй мировой войны в эмиграции в той или иной форме сохранились отголоски этого исторического наследия.

2. Почему латгальцы в эмиграции не были едины?

Если эмиграция латышей не была единой по большей части по историческим причинам, тогда почему одной бедой связанная эмиграция латгальцев раскололась? Тому было несколько как объективных, так и субъективных поводов. В условиях демократии латгальская интеллигенция в ссылке могла свободно выражать свои взгляды, которые сильно различались по нескольким вопросам:

- по отношению к языку письма и языку ведения службы (латышский или латгальский). Представители католической церкви в эмиграции считали, что службы нужно вести на латышском языке, так как и среди латышей были католики, а часть латгальской интеллигенции считала, что службы нужно вести только по-латгальски (*B r i š k a* 1984, 112);
- по отношению к национальной политике Улманиса и Латгалии. Во время авторитарного режима Улманиса были попытки создать «латышскую Латвию». Осуществлялась политика, ограничивающая права этнических меньшинств. Латгальский язык был подвержен ограничениям использования, его исключили из школьных программ. В то же время в Латгалии строились школы, учреждения культуры, развивалась инфраструктура. Историк культуры Петерис Зейле (*Pēteris Zeile*), говоря о латгальской интеллигенции в эмиграции, пишет: «Одни <...> увидели и объективно показали большой вклад Улманиса в независимую единую Латвию и одновременно в пользу Латгалии. А другие <...>, утратив ощущение исторической истины и даже часть своей памяти, сплошь поносили его» (*Z e i l e* 2006, 604);

³ Ироничное обозначение латгальцев (латышей Латгалии).

⁴ Ироничное обозначение латышей, проживающих за пределами Латгалии (Видземе, Курземе, Земгале).

- по отношению к отмене отлучения от церкви Франциса Трасуна (*Francis Trasuns*), работника пробуждения Латгалии, политика, католического священника. При возникновении конфликта с главой католической церкви архиепископом Антонием Спринговичем (*Antonijs Springovičs*), в 1924 году Трасунсу запретили выполнять обязанности священника. При усугублении конфликта в июле 1925 года Трасунса отлучили от церкви. Формальной причиной отлучения от церкви были подозрения в том, что он не соблюдал целибат и не носил сутану (на заседания Сейма Трасунс приходил одетым в костюм). Истинные причины конфликта были политическими – стремление архиепископа добиться контроля над политиками Союза христианских крестьян Латгалии, главой фракции которого был Трасунс. Серьёзной причиной конфликта также был и неуступчивость характеров Трасунса и архиепископа. Трасунс умер от разрыва сердца два дня после того, как его выдворили с Пасхальной службы в Рижском Соборе Святого Якова. Его реабилитировали только после восстановления независимости Латвии 18 августа 1998 года официальным письмом конгрегации клира Римской католической церкви. За отмену отлучения от церкви Трасунса выступала большая часть латгальской интеллигенции в эмиграции, в особенности литератор Янис Клідзейс (*Jānis Klīdzējs*). Против отмены отлучения от церкви было руководство католической церкви эмиграции, заслужив этим критику светской латгальской интеллигенции. Таким образом усугубились отношения между частью представителей латгальской интеллигенции и католической церкви эмиграции.

Противоречия обострило и то, что более радикально настроенная часть латгальцев в отношении вопросов латгальского языка и понимания единства латышей пыталась свои взгляды преподносить от имени всех латгальцев.

3. Две организации – поддержка латгальского самосознания в эмиграции

В эмиграции самыми значимыми латгальскими организациями, которые наиболее активно выступали за всё латгальское, были издательство Владислава Лоциса или паевое товарищество (п/т) Латгальское издательство (*Latgaļu izdevnīceiba*) и Исследовательский институт Латгалии (Латгалов).

3.1. Издательство Владислава Лоциса

После окончания Второй мировой войны издательство В. Лоциса эмигрировало на Запад. Изначально издательство работало в Даугавпилсе (1939–1944), затем в Неуоттинге (1945–1954) и Мюнхене (1954–1984) (Malahovskis 2012a, 797).

В. Лоцис считал, что латгальским писателем или исследователем может называться тот, кто пишет только по-латгальски. По этому поводу у него были разногласия с латгальскими авторами, которые пытались развивать как лат-

гальский, так и всеобщий латышский литературный язык (например, с литератором Я. Клидзейсом). Те, которые поддерживали издательство В. Лоциса, поддерживали только издания на латгальском языке, поэтому работы многих латгальских литераторов и пр. авторов издавались в других издательствах и больше поддерживались читателями чем те, которые публиковались только на латгальском языке. Читатель является значительным критерием для развития и роста автора, а численность латгальцев в эмиграции по сравнению с латышами из других краев, была меньше более чем в 10 раз.

В издательстве изданной газетой *Latgola* (Латгалия) (с 1955 года название газеты было *Latgolas Bolss* (Голос Латгалии)), в которой беспощадно критиковался авторитарный режим Улманиса, было недовольно и находящееся в ссылке латышское правительство. Президиум Латышского национального совета (главный исполнительный орган представительства латышей в эмиграции в Германии) в одном из заседаний 1949 года официально осудил газету за разрушение единства латышей в эмиграции (В г і š к а 1957, 151).

Несмотря на разные идейные и материальные препятствия, вклад издательства В. Лоциса был большим. В ссылке, начав с брошюр на бумаге плохого качества, издательство издало многие фундаментальные работы, например: книги Микелиса Букша (*Miķelis Bukšs*): *Latgaļu literatūras vēsture* (История латгальской литературы, 1957), *Skices un dokumenti nu Latvijas tapšonas laikim* (Эскизы и документы со времени образования Латвии) (1954), *Latgaļu atmūda* (Пробуждение латгальцев) (1976), *Pret straumi* (Против течения) (1971), роман Антона Рупайниса (*Antons Rupainis*) *Tauta grib dzīvot* (Народ хочет жить, 1963) и др.

Итого издательство В. Лоциса издало приблизительно 150 книг, 51 ежегодник *Tāvu zemes kalendārs* (Календарь отчизны, 1939–1990, кроме 1940 г.), газету *Latgolas Bolss* (Голос Латгалии, около 40 подшивок), две подшивки газеты *Latgola* (Латгалия), 38 подшивок журнала *Dzeive* (Жизнь), 7 сборников статей *Olūts* (Источник), шесть сборников научных статей *Acta Latgalica* (S a l c e v i č a 1992, 18).

3.2. Исследовательский институт Латгалии (Латгалов)

Латгальская интеллигенция в эмиграции для согласования исследовательской работы основала Исследовательский институт Латгалии (ИИЛ). Подчеркнув исследовательское направление аутентичного латгальского бытия, его также звали Исследовательским институтом латгалов.

Латгальцы основание ИИЛ считали формой протеста против игнорирования исследования истории, культуры, литературы латгальцев – потомков древних латгалов: 1) в кругах исследователей Западной Европы (L ō s i s 1963, 226); 2) в работах латышей эмиграции (В u k š s 1968, 95, 96); 3) невозможность объективного исследования истории Латгалии в Советской Латвии (L ō s i s 1963, 226).

Первое открытое заседание ИИЛ состоялось 2 июля 1960 года в Индианаполисе (США), а через месяц открыли институт в Мюнхене. Целями ИИЛ были: 1) исследовать историю, этнографию, язык, литературу, фольклор, культуру и искусство Латгалии, церковную историю, жизнь народа; 2) организовать музей, архив и библиотеку; 3) устраивать конференции, различные курсы и лекции. У ИИЛ как у объединения учёных-исследователей были также свои члены-корреспонденты, у которых не требовалось академическое образование, но интерес к науке, латгальским ценностям был обязательным (L o s i s 1963, 226; Z e i l e 2006, 598). Руководство института доверили президенту Леонарду Латковскому (*Leonards Latkovskis*; США), вице-президенту и заведующему публикациями М. Букшу (Швеция), генеральному секретарю Язепу Лелису (*Jāzeps Lelis*; США), заведующему хозяйственными делами Б. Бришке (США), второму секретарю Альберту Спोगису (*Alberts Spogis*; Германия).

ИИЛ сотрудничал с издательством В. Лоциса. Исследователи ИИЛ публиковались в сборниках статей *Acta Latgalica*. Постоянные авторы статей – М. Букше, Л. Латковский, Станислав Шкутанс (*Stanislavs Škutāns*), Б. Бришка, Янис Трупе (*Jānis Trūps*). Так как исследователей (специалистов какой-то определённой отрасли) было мало, содержание работ указанных авторов было тематически многообразным. Например, во втором томе *Acta Latgalica* были опубликованы 15 статей Л. Латковского.

В Мюнстере (Германия) были созданы библиотека, архив и музей, а научные конференции проходили как в Западной Европе (Мюнхен), так и в Северной Америке (Чикаго, Индианаполис), Канаде (Торонто). Можно восхищаться энтузиазмом работников ИИЛ, которые, будучи оторванными от родины, с ограниченным количеством исторических источников, без современных средств коммуникации могли организовать латгальских исследователей, проживающих в разных странах и континентах, могли создать исследования об истории, культуре, литературе Латгалии (M a l a h o v s k i s 2012b, 355).

Заключение

В заключение следует подчеркнуть общее между самосознанием латышей и латгальцев в эмиграции: 1) принадлежность к утраченной земле, т. е. латвийскому государству; 2) принадлежность к латышскому народу (правда, с разным пониманием исторического и современного места и роли латгальцев в нём); 3) надежда и вера в свободное и независимое государство Латвии.

Не вызывают сомнения самоотверженные попытки первого послевоенного поколения латгальских эмигрантов сохранить латгальское самосознание. Конечно, с современной точки зрения то, как они пытались это сделать, является спорным. Главный вопрос заключается в том, почему уже во втором поколении эмигрантов исчезла преемственность этих самоотверженных попыток? Очевидно, в отличие от латышей родом из других краев, которые видели

в латышском бытие достаточно широкие перспективы для своей деятельности, новому поколению латгальских эмигрантов латгальский язык и письменность казались узкой и бесперспективной сферой (Z e i l e 2006, 605).

Однако в большой степени преемственность сохранилась после восстановления независимости Латвии – уже в Латгалии:

- в 1991 году с официального согласия и при поддержке членов Латгальского исследовательского института, находящегося в эмиграции, было решено продолжить работу института в Даугавпилсе. В отличие от института в эмиграции, в созданном на родине 1) работают не только латгалыцы, но и представители других народностей, исследующие вопросы Латгалии; 2) у института не только гуманитарное направление, он занимается комплексным изучением Латгалии. У старого института, приспособив к новым условиям, ЛИИ унаследовал традицию издания научных статей и организацию научных конференций. Сейчас ЛИИ является структурной единицей Даугавпилсского университета;
- изучение Латгалии в наши дни не ограничивается только ЛИИ, с 90-ых годов значимым исследовательским центром стала и Резекненская академия технологий с созданным в ней Научным институтом регионалистики;
- традиции, начатые издательством В. Лоциса, в определенной степени продолжает Издательство центра латгальской культуры в г. Резекне. С 1990 года он перенял издание ежегодника латгальских эмигрантов *Tāvu zemes kalendars* (Календарь отчизны). Продолжая традиции эмиграции, все статьи и стихи в ежегоднике публикуются только на латгальском языке, и хотя нередко они создаются на латышском, их переводят. Издательство центра латгальской культуры также продолжает издание литературного альманаха *Olūts*, начатое в издательстве В. Лоциса.

Источники и литература

- B e l a 2010 – Baiba Bela (zin. red.), *Mēs nebraucām uz Zviedriju, lai kļūtu par zviedriem*, Rīga: Zinātne.
- B r i š k a 1957 – Bonifācijs Briška, *Latgali politiskajās patmaļās*, Minhene: P/s Latgaļu izdevnīceiba.
- B r i š k a 1984 – Bonifācijs Briška, *Latgola – muna Tāvzeme*, Minhene: P/s Latgaļu izdevnīceiba.
- B r o l i š s 1999 – Jāzeps Brolišs, *Nacionālie procesi. Nacionālā politika* (Īsa terminu vārdnīca), Rēzekne: Rēzeknes Augstskola.
- B r o l i š s 2000 – Jāzeps Brolišs, *Nacionālie procesi (būtība, tipi, veidi, pretrunas, izpausmes)*, Rēzekne: Rēzeknes Augstskola.
- B u k š s 1968 – Miķelis Bukššs, “Latgolas pēteišonas pīnōkumi un īspējas”, *Acta Latgalica* II, Minhene: P/s Latgaļu izdevnīceiba.
- F e l d m a n i s 2008 – Inesis Feldmanis (zin. red.), *Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*, Rīga: Jumava.

- L ō c i s 1963 – Vladislavs Lōcis (galv. red.), *Latgaļu darbeibas dokumentacija*, Minhe-
ne: P/s Latgaļu izdevnīceiba.
- LRSSS – *Latvijas Republikas Satversmes Sapulces stenogrammas*, 5. ses., 2848., 2849. sl.
- M a l a h o v s k i s 2012a – Vladislavs Malahovskis, “Vladislava Lōča izdevnīceiba”,
Ilga Šuplinska (galv. red.), *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca*, I, Rēzekne: Rēzeknes
Augstskola, 797–800.
- M a l a h o v s k i s 2012b – Vladislavs Malahovskis, “Latgales Pētniecības institūts”
Ilga Šuplinska (galv. red.), *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca*, I, Rēzekne: Rēzeknes
Augstskola, 354–356.
- S a l c e v i č a 1992 – Ilona Salceviča, “Legenda pi tautas vēstures. Lōcis Vaideāns Vla-
dislavs”, *Tautas gors*, Rēzekne: Latgales Kultūras centra izdevniecība, 5–27.
- Š v ā b e 1952–1953 – Arveds Švābe (red.), *Latvju enciklopēdija*, II, Stokholma: Apg.
“Trīs Zvaigznes”.
- Z e i l e 2006 – Pēteris Zeile, *Latgales kultūras vēsture*, Rēzekne: Latgales Kultūras cen-
tra izdevniecība.

Vladislavas Malachovskis

Latgaliečių savimonės pasireiškimas emigracijoje Vakarų šalyse po Antrojo pasaulinio karo

S a n t r a u k a

Pagrindinės sąvokos: *emigracija, latgaliečiai, identišumas, Vladislavo Locio leidykla, Latgalos tyrimų institutas.*

Straipsnis atspindi atskirus latgaliečių savimonės pasireiškimo ir supratimo aspektus emigracijoje, jų kilmę ir esminius probleminius klausimus.

Pasibaigus Antrajam pasauliniam karui maždaug 120000–140000 Latvijos gyventojų rado prieglobstį Vakarų šalyse. Apie 7000 iš jų buvo latgaliečiai. Nepaisant bendro suvo-
kimo apie priklausymą prarastajai Latvijai, bendros vilties dėl Latvijos valstybės laisvės
ir nepriklausomybės, latvių inteligentija tremtyje nebuvo vieninga, priklausė skirtingoms
visuomeninėms ir mokslo organizacijoms. Vienybės nebuvimo pagrindas – istorinis pa-
veldas ir stereotipai. Latgaloje istoriškai susiformavo skirtingos socialinės ir ekonominės
aplinkybės, kitaip plėtojosi visuomeniniai ir politiniai įvykiai, todėl kitokia formavosi ir
tautinė savimonė. Sukūrus Latvijos valstybę (1918) latviams dar trūko bendros nacionali-
nės savimonės. Latgalos latviai (latgaliečiai) neretai būdavo priešinami likusios Latvijos
latviams – „baltiečiams“.

Latvių emigracija irgi nebuvo vieninga. Latgaliečių pažiūros gerokai skyrėsi keletu klausimų:

- 1) dėl rašytinės ir mišių bažnyčioje kalbos (latvių ar latgaliečių). Tremtyje esantys Kata-
likų bažnyčios atstovai manė, kad mišios turi vykti latvių kalba, nes ir tarp latvių yra
katalikų, o dalis latgaliečių manė, kad mišios turi vykti tik latgaliečių kalba;
- 2) dėl istorijos koncepcijos (Karlio Ulmanio autoritarinio režimo politikos Latgaloje
traktavimo). Vieni aštriai kritikavo Ulmanį dėl latgaliečių kalbos ir literatūros ribo-

jimū antroje XX a. ketvirtojo dešimtmečio pusėje, kiti pripažino šio veikėjo ūkinę veiklą kaip naudingą Latgalai.

Emigracijoje pačios reikšmingiausios latgaliečių organizacijos, aktyviausiai pasisakiusios už viską, kas latgališka, buvo Vladislavo Locio leidykla ir Latgalos tyrimų institutas (LTI). Tačiau antroje emigrantų kartoje nebeliko tokių pasiaukojančių kovotojų. Latgaliečių savmonės suvokimas latgaliečių emigracijos pirmoje kartoje daugiausia koncentravosi į latgaliečių kalbos vartojimą. Skirtingai nuo kituose kraštuose gimusių latvių, kurie vertino buvimą latviais kaip veiklai naudingą aspektą, naujajai latgaliečių emigrantų kartai latgaliečių kalba ir literatūra atrodė siaura ir neperspektyvi sritis.

Perimamumas daugiau ar mažiau išliko atkūrus Latvijos nepriklausomybę. 1991 m. Latgalos tyrimų instituto nariams, esantiems emigracijoje, oficialiai sutinkant ir palaikant, buvo nuspręsta darbą tęsti Daugpilyje. V. Locio leidyklos pradėtas tradicijas iš dalies tęsia Latgalos kultūros centro leidykla Rēzeknėje.

Vladislavs Malahovskis

Manifestations of Latgalian Self-awareness in Emigration in Western Countries after the Second World War

S u m m a r y

Keywords: *emigration, Latgalians, identity, Vladislavs Locis Publishing House, Latgale Resarch Institute.*

The article deals with some aspects of Latgalian identity and perception in emigration, their origin and the key issues.

At the end of the Second World War about 120,000–140,000 residents of Latvia found their asylum in the West. About 7,000 of them were Latgalians. Despite their common sense of belonging to the lost Latvia, common aspiration for freedom and an independence of Latvian state, the Latvian intelligentsia was not united in emigration. It was composed of different social and scientific organizations, etc.

The lack of unity is based on historical heritage and stereotypes. Historically, various socio-economic circumstances have formed in Latgale, different development of socio-political events and then the formation of national consciousness. Even after the creation of an independent state (1918), Latvians still lacked a unified national awareness. The Latvians of Latgale (Latgalians) were often treated as contrasted to other Latvians – the “Balts”.

However, Latgalians in emigration were not united. Their beliefs were very different in a number of issues:

1. The written language and the language of worship (Latvian or Latgalian). Representatives of the Catholic Church in emigration believed that services should be conducted in the Latvian language, as there were Catholics among Latvians, and some Latgalians believed that services should be conducted only in Latgalian;
2. The historical concept (authoritarian regime of Karlis Ulmanis and Latgale). Some sharply criticized Karlis Ulmanis for the restriction of the Latgalian language and

literature in the second half of the 30s of the 20th century, whilst others supported his economic policy and other activities in favour of Latgale.

The most active and important organizations that defended everything *Latgalian* were Vladislavs Locis Publishing House and Latgale Research Institute (LRI).

The main issue and at the same time the problem was why the continuity of these selfless efforts disappeared already in the second generation of emigrants? Understanding of the Latgalian self-awareness in the first generation of the Latgalian emigration was largely reduced only to the use of the Latgalian language. Unlike Latvians from other regions, who saw in the Latvian life quite broad prospects for their activities, the Latgalian language and literature seemed a narrow and unpromising sphere to the new generation of Latgalian emigrants.

However, the continuity, to a greater or lesser extent, was preserved after the restoration of Latvia's independence. In 1991, with the official consent and with the support of the members of the Latgale Research Institute, who were in emigration, it was decided to continue the work of the Institute in Daugavpils. Currently, the Latgale Research Institute is the branch of Daugavpils University. Latgale Cultural Centre Publishing House continues traditions started by V. Locis in Rezekne.

V L A D I S L A V S M A L A H O V S K I S
Research Institute for Regional Studies
Rezekne Academy of Technologies
Atbrīvošanas aleja 115
LV-4601 Rēzekne
Latvija
[vladislavs.malahovskis@rta.lv]

Straipsnis gautas 2020 m. spalio 19 d., priimta 2020 m. lapkričio 20 d.
Received 19 October 2020, accepted 20 November 2020.